

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН В 1991—2022 ГГ.

Евгения Мацулевич

В статье рассмотрены основные принципы внешнеполитических доктрин администраций президентов США с 1991 по 2022 г., выявлена преемственность их основополагающих пунктов. В контексте сменяемости президентских внешнеполитических доктрин определено, как этот процесс влиял на политику Вашингтона на постсоветском пространстве и позицию в отношении интеграционных процессов в регионе. Сделан вывод, что в основу внешнеполитических доктрин США рассматриваемого периода положено стремление к глобальному лидерству, что влияло на политику США в отношении постсоветской интеграции. Определена эволюция позиции Вашингтона в отношении неамериканских интеграционных проектов в регионе: от нейтральной при Дж. Буш-ст. до негативной реакции на политическую и экономическую интеграцию, начиная с Дж. Буша-мл.

Ключевые слова: американская внешнеполитическая доктрина; Б. Обама; Дж. Байден; Дж. Буш-мл.; Дж. Буш-ст.; «доктрина Лейка»; Д. Трамп; новые независимые государства; постсоветская интеграция; постсоветское пространство; США; У. Клинтон.

«U.S. Policy Regarding Post-Soviet Integration in the Context of the Transformation of Presidential Foreign Policy Doctrines in 1991—2022» (Evgeniya Matsulevich)

The article discusses the basic principles of foreign policy doctrines of the US presidents from 1991 to 2022, the continuity between their fundamental points revealed. In the context of the replacement of presidential foreign policy doctrines, it is determined how this process influenced Washington's policy in the post-Soviet space and its position regarding integration processes in the region. It is concluded that US foreign policy doctrines are based on the desire for global leadership, which influenced the US policy regarding post-Soviet integration. The evolution of Washington's position on non-American integration projects in the region is determined: from neutral under George H. W. Bush to a negative reaction to political and economic integration, starting with George W. Bush.

Keywords: American foreign policy doctrine; B. Obama; D. Trump; George H. W. Bush; George W. Bush; J. Biden; «Lake doctrine»; new independent states; post-Soviet integration; post-Soviet space; USA; W. Clinton.

Внешнеполитические доктрины США отличаются своей продуманностью и идеологической силой, влияющей на общественное сознание как внутри страны, так и за ее пределами. Это — инструмент, который американские президенты используют для обоснования своих внешнеполитических решений и поддержания позитивного имиджа среди граждан и на международной арене. Выработка тех пунктов, которые будут положены в основу доктрины, зависит от внутри- и внешнеполитических условий времени, а также целей ее создания. После выработки доктрины проводится кампания по ее оглашению с целью заручиться общественной поддержкой. Именно поэтому в основу доктрин закладывают глобальные понятия позитивного характера

(демократия, мир, защита) и гибкие лозунги. Закрепленные в политических кругах и общественном сознании, под принципы принятой доктрины должны отныне подходить все внешнеполитические действия страны, в том числе она становится основой стратегии национальной безопасности. Цель данной статьи — проследить, как в процессе трансформации президентских внешнеполитических доктрин менялось отношение к постсоветской интеграции после окончания «холодной войны».

В историографии обширно представлены различные аспекты внешнеполитической деятельности США, в том числе политика Вашингтона на постсоветском пространстве, однако отсутствуют фундаментальные работы, в которых проводится анализ позиции американцев

Автор:

Мацулевич Евгения Васильевна — аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, e-mail: evgeniya.matsulevich@mail.ru
Республиканский институт высшей школы. Адрес: 15, ул. Московская, Минск, 220007, БЕЛАРУСЬ

Author:

Matsulevich Evgeniya — post-graduate student of the Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus, National Institute for Higher Education, e-mail: evgeniya.matsulevich@mail.ru
National Institute for Higher Education. Address: 15, Moskovskaya str., Minsk, 220007, BELARUS

Международные отношения

в отношении постсоветской интеграции. Исключение составляет диссертация украинского исследователя С. Ю. Гвоздкова [5]. Однако временные рамки работы завершаются 2014 г., последующие события в исследовании не представлены. Кроме того, тематика ограничена интеграционными проектами России.

Среди публикаций российских авторов теме политики США в отношении постсоветской интеграции непосредственно посвящены работы М. В. Братерского [3] и А. В. Кузнецова [11]. Изучению позиции американского научно-академического сообщества в отношении постсоветской интеграции посвящена статья В. Н. Вивье [4]. В отечественной историографии тема представлена в главе монографии А. П. Косова, но раскрывает только российско-белорусскую интеграцию [10].

Выявить позицию Вашингтона в отношении постсоветской интеграции невозможно в отрыве от анализа общей внешнеполитической концепции Соединенных Штатов. Среди работ белорусских исследователей по этой теме выделим монографию А. А. Плащинского [16]. Анализ внешнеполитических доктрины и стратегий США проведен также рядом российских исследователей [1; 8; 12; 19]. Наиболее полно тема раскрыта американскими аналитиками внешней политики и международных отношений: в первую очередь такие труды представлены статьями экспертов ведущих неправительственных организаций, которые появлялись не в качестве исторического очерка спустя определенное количество лет, а сразу по ходу происходящих событий и принятия Белым домом тех или иных внешнеполитических решений [21; 23; 29; 31; 32; 34; 37].

Таким образом, несмотря на большое количество работ, посвященных основам американской внешней политики, а также ее реализации, в них не раскрывается, как доктрины внешней политики США влияли на позицию Вашингтона в отношении постсоветской интеграции.

Дискуссионным остается вопрос, было ли окончание «холодной войны» предсказуемым для Соединенных Штатов. Компромиссной является точка зрения, что Вашингтон этого ожидал, но в отдаленной перспективе, а не в 1991 г. Это объясняет длительное отсутствие (до 1993 г.) стратегии национальной безопасности США, учитывающей новые реалии расстановки сил в мире, а также сдержанную политику Белого дома по включению постсоветского пространства в свою сферу влияния, одобрение лидирующей роли России в Содружестве Независимых Государств (СНГ), ряд «упущенных возможностей».

Американские и российские исследователи сходятся во мнении, что Вашингтон при Дж. Буше-ст. был не готов отказаться от биполярной системы международных отношений в своей внешнеполитической стратегии. Аме-

риканский исследователь Б. Шварц оценивает общий подход американского руководства, Пентагона и Государственного департамента к новой Стратегии национальной безопасности как стремление «сохранить статус-кво» [34, р. 182], имея в виду перенос дискурса и установок, используемых ранее в отношении Советского Союза, на новые независимые государства. Действительно, для Стратегии национальной безопасности 1993 г. характерно восприятие этих стран в тесной привязке к их советскому прошлому. Кроме того, Дж. Буш-ст. перенял подход Р. Рейгана, использовавшего стратегию «распространения демократии» как средство «вытеснения коммунистической идеологии и утверждения американского влияния» в мире [1, с. 208]. Несмотря на то, что Соединенные Штаты позиционировали себя в качестве победителя в «холодной войне» и подчеркивали, что главный их враг потерпел поражение, неизменным остался главный подход США — обращение к образу врага при оценке ситуации на постсоветском пространстве: бывшие советские республики могут нести угрозу национальной безопасности и интересам США, если будут развиваться по недемократическому (непроамериканскому) пути. Таким образом, новой внешнеполитической доктрины выработано не было, а постсоветская интеграция, по тем меркам отвечающая интересам США, так как отдельные статьи договора о создании СНГ давали гарантию поддержания странами-участницами международной безопасности и сокращения вооружений, не привлекала к себе внимание. Однако уже тогда США декларировали свою приверженность концепции «распространения демократии», что выразилось в оказании материальной помощи новым независимым государствам. Впоследствии именно этот подход станет основой доктрины «Лейка», «Клинтона», «Буша», «Обамы», внешней политики Д. Трампа и Дж. Байдена.

Политика первой администрации У. Клинтона в международных делах основывалась на позициях предшествующей администрации, однако отдельные пункты и общие подходы получили свое дальнейшее развитие. Корректирование внешнеполитической стратегии традиционно было не только связано с событиями в сфере международных отношений и новыми внешними вызовами, но и продиктовано внутренними процессами в США. В первую очередь У. Клинтон был вынужден бороться с экономическим спадом, что требовало корректирования расходов на внешнеполитические нужды и, как следствие, стратегии внешней политики.

Курс 42-го президента США в отношении постсоветского пространства и в целом внешней политики начал оформляться во время предвыборной гонки. Главный упор У. Клинтон сделал на решение социальных и экономи-

ческих проблем, которые волновали избирателей больше всего (для простых американцев недовольство экономической ситуацией и внутренней политикой было важнее, чем победа в «холодной войне» [31, р. 2]), пытаясь выработать идеиные основы той стратегии внешней политики, которая удовлетворила бы общественность и не вредила американским интересам, связанным с необходимостью не потерять постсоветское пространство из виду и включить его в сферу своего влияния. В отличие от Дж. Буша-ст., апеллировавшего к теме безопасности, У. Клинтон продвигал идею распространения демократии, подкрепляя ее тезисом, что только в окружении демократий сохранится демократия в США [21, р. 26]. Тем самым будущий президент развел тот подход, который был обозначен в Стратегии национальной безопасности 1993 г.: США должны взять на себя миссию по защите и установлению демократии во всем мире. В рамках концепции «продвижения демократии» президент заявил о необходимости проводить демилитаризацию постсоветского пространства, наращивать инвестиции в страны Восточной Европы, а также сформировать Демократический корпус для работы за границей [31, р. 10].

В начале президентского срока администрация У. Клинтона развивала те тезисы, с которыми кандидат от демократической партии выиграл выборы. 21 сентября 1993 г. помощник президента США по национальной безопасности Э. Лейк огласил концепцию «расширения демократии» («доктрина Лейка»), согласно которой США должны были сделать приоритетом своей внешней политики содействие демократизации бывших социалистических стран Евразии, чтобы укрепить свое влияние среди новых независимых государств. Эта идея стала связующим звеном между стратегиями национальной безопасности 1993 и 1994 гг. Неизменным остался тезис о том, что новые независимые государства должны быть включены в мир западных демократий. В практическом же плане «доктрина Лейка» означала перенос внимания Вашингтона с России и первостепенного финансирования реформ в ней на оказание помощи малым и средним странам Восточной Европы [2, с. 372]. В условиях финансовых затруднений в Соединенных Штатах возникла необходимость ответить на вопрос, являлась ли прежняя политика оказания финансовой помощи бывшим советским республикам эффективной и отвечающей американским интересам. «Доктрина Лейка» ответила на этот вопрос отрицательно. Тем самым был изменен и подход к центрообразующей роли России в СНГ.

По мере непредсказуемости российской внешней политики в Конгрессе против программы помощи Российской Федерации выступили обе партии [24], по сути, поддержав

«доктрину Лейка». Вместе с тем руководство США понимало, что постсоветское пространство является зоной американских интересов, но влияние России там велико, а у Вашингтона недостаточно ресурсов на масштабное финансирование прозападных реформ в каждой новой независимой стране. Исходя из этих позиций и «доктрины Лейка» звучали предложения, которые учитывали наличие и возможную выгоду для Соединенных Штатов интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Распространение получило заявление американского историка Дж. Х. Биллингтона, в котором была выдвинута идея создать подобный Плану Маршалла механизм, в который были бы привлечены США, страны СНГ и государства — участники G7 для координации усилий по экономическому и политическому развитию стран бывшего СССР [27, р. 6536]. Констатировалось также, что реформы в России не должны проходить в ее изоляции от других стран бывшего СССР и она должна стать двигателем демократических изменений в постсоветским регионе [27, р. 6545].

Второй президентский срок У. Клинтона отличался большей вовлеченностью во внешнюю политику и ее активностью. Именно в этот период можно говорить об оформлении «доктрины Клинтона», в которой, по замечанию белорусского исследователя А. А. Плащинского, была утверждена концепция «глобального лидерства», несмотря на то, что идея о необходимости глобальной вовлеченности США распространялась в американском обществе и ранее [16, с. 28]. Более активная внешнеполитическая позиция была определена в Стратегии национальной безопасности США 1998 г. Если в 1994 г. в ней говорилось о «поддержании демократии за рубежом», то теперь речь шла о «создании демократии в других странах», т. е. активной деятельности США в отношении других стран, в том числе без учета их позиции [7, с. 78].

В рамках новой доктрины начался пересмотр российской и евроатлантической сфер влияния. Политики США понимали, что такой ход — вызов внешнеполитической стратегии Москвы. В этой связи расширение Североатлантического альянса (НАТО) вызвало споры как среди республиканцев, так и среди демократов, что оценивалось как «симптом национальной неразберихи» (*«symptom of national confusion»*) [35, р. 1]. Спорным выглядело и обоснование такой необходимости российской угрозой: ведущие аналитики мира из Центра стратегических и международных исследований США (CSIS) оценивали перспективу распространения российских имперских амбиций на «ближнее зарубежье» как маловероятную даже после расширения НАТО, несмотря на то, что, по всей видимости, будут создаваться военные союзы между Россией и новыми незави-

сими государствами [28, р. 5–6]. Однако с учетом апеллирования к доктринально оформленному принципу мессианства США в деле демократизации постсоветского пространства активизация внешней политики Москвы, в том числе углубление российско-белорусской интеграции, т. е. сотрудничество с А. Г. Лукашенко, который американцами оценивался как нелегитимный, и появление в российском политическом дискурсе идеи евразийства американскими политиками подавались как стремление Кремля отойти от вестернизации и модернизации по западному образцу. Истинная же причина недовольств крылась в угрозе американским интересам. Были затронуты как политические интересы США в регионе, так как евразийская политика превращала Москву в регионального конкурента Вашингтона, так и экономические: российско-белорусская интеграция открывала путь мощным нефтегазовым компаниям России к строительству трубопровода на Запад через Беларусь, а азиатская политика затрагивала регион Каспийского моря [28, р. 4].

В конце XX в. рассмотрение новых путей внешней политики стало актуальным ввиду подрыва в 1999 г. авторитета администрации У. Клинтона после скандала о российских аферах с деньгами, полученными в качестве американской помощи [25]. В отличие от выборов 1992 и 1996 гг., еще на партийных праймериз 2000 г. республиканцы в своей платформе вынесли внешнюю политику на первое место. В дальнейшем главным фактором, который способствовал американскому интервенционизму, стали теракты 11 сентября 2001 г. После них была оформлена «доктрина Буша», которая сводилась к формуле: американский превентивный удар + принцип «или вы с нами, или вы против нас» + отход от «доктрины Трумэна» (сдерживания) + обращение к «доктрине Рейгана» (поддержка борцов за свободу) [37]. В содержательном плане такая стратегия предполагала американские превентивные удары, односторонние действия США, тезис о том, что внешнеполитическое поведение страны зависит от политического режима (отсюда — выделение стран с недемократическими режимами в «ось зла» и необходимость установления демократии по всему миру для стабилизации международной обстановки и безопасности), реализацию идеи глобального лидерства США через право действовать вне общих правил [6, с. 88, 91; 18]. По оценке А. А. Плащинского, «доктрина Буша основывалась на синтезе... ценностей неоконсерваторов и идей Лео Штросса (1899–1973),.. сторонника идей троцкизма и доктрины “перманентной революции” (мировой революции)», что легло в основу концепций, которыми руководствовалась новая администрация: «преэмптивной войны», «смены режима», «гуманитарной интервенции» [16, с. 105–106].

После 11 сентября 2001 г. взаимодействие с постсоветским регионом должно было укладываться в новую концепцию внешней политики США, направленную на борьбу с терроризмом. Это диктовало особый статус России как главного партнера в данной миссии. Примечательно, что американская политическая элита, в том числе президент, высказывались о дружеских отношениях Вашингтона и Москвы, исходя из того, что Россия будет включена в западный мир, интегрирована в евроатлантическое сообщество.

В связи с тем, что США усилили свое внимание к России, анализу подвергались внешнеполитические действия этой страны. Именно под влиянием изменений в поведении российского руководства в регионе постепенно менялось американское отношение к процессу постсоветской интеграции. После того как в 2000 г. было создано Евразийское экономическое сообщество, в 2002 г. — Организация Договора о коллективной безопасности, в 2003 г. подписано соглашение о создании Единого экономического пространства, стало очевидно, что любой интеграционный проект, инициируемый Кремлем, не может отвечать американским интересам и будет рассматриваться как политический, ведущий Россию к доминированию в регионе. Опасения вызывала и активизация Китая (в 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества). Инструментом, который должен был подорвать постсоветскую неподконтрольную США интеграцию, виделась Всемирная торговая организация, вступление России и Украины в которую США активно поддерживали.

Исходя из обоснования своих внешнеполитических действий теми принципами, которые легли в основу «доктрины Буша», вмешательство США в дела региона стало прямым и активным. Это выражалось в поддержке про-западных настроений в Грузии и Украине, увеличении контактов с руководством стран Центральной Азии, анализе военных и оборонных возможностей центральноазиатских республик (после такого мониторинга Соединенные Штаты могли оказать военную помощь и размещать базы НАТО на территории этих стран, аргументируя свои действия их недостаточной защищенностью собственными силами), поддержке Организации за демократию и экономическое развитие, зародившейся еще при У. Клинтоне, одобрении энергоресурсного проекта «Баку — Джейхан» (несмотря на непостоянность позиции Дж. Буша-мл.), прямом декларировании К. Райс (госсекретарь в 2005–2009 гг.) законности интересов США на постсоветском пространстве.

При Б. Обаме обозначенный внешнеполитический курс был продолжен, однако сдерживающим фактором стремления США включаться в политические процессы по всему миру являлись рост государственного долга и

истощение американских ресурсов после финансового кризиса 2007–2008 гг. Основное внимание новый президент должен был уделять тем пунктам своей программы, за счет которых он получил голоса избирателей. В связи с этим сразу же после инаугурации 44-й президент взял курс на увеличение рабочих мест для американцев. Ключевыми программами стали Закон о восстановлении и reinвестировании (*American Recovery and Reinvestment Act of 2009 (ARRA)*) [22] и реформа здравоохранения.

Акцентируя внимание простых граждан на социальной политике администрации президента, внешнеполитические дела Белый дом освещал в меньшей степени. Тем не менее, внешняя политика оставалась важным направлением для руководства страны, так как, как отметили некоторые американские аналитики, «доктрина Буша» нанесла ущерб репутации США как глобальному символу демократии [23]. Сам Б. Обама отзывался о ней также нелестно. Еще до избрания на президентский пост он высказал свои взгляды о внешнеполитической доктрине США после окончания «холодной войны». По его мнению, «в глазах общественности внешнеполитическому курсу девяностых не доставало четкого стержня или великих императивов» [13, с. 323]. Программы после терактов 11 сентября 2001 г. не появилось, использовался лишь «набор устаревших политических стратегий из прошлых эпох», «империя зла» Рейгана теперь стала «осью зла», версия Рузельта доктрины Монро — идея, что мы можем смещать неугодные нам правительства, — стала ныне доктриной Буша, только теперь она распространялась за пределы Западного полушария и охватывала весь мир» [13, с. 326], «...почти через 5 лет после 11 сентября и через 15 лет после распада Советского Союза у Соединенных Штатов по-прежнему нет последовательной политики обеспечения национальной безопасности» [13, с. 336–337].

Будучи еще сенатором, Б. Обама выдвигал ряд пунктов, которые он хотел бы положить в основу новой внешнеполитической стратегии: «возврат к изоляционизму... работать не будет» [13, с. 337–338]; «условия безопасности, с которыми мы сталкиваемся сегодня, фундаментально отличаются от тех, что существовали 50, 25 или даже 10 лет назад» [13, с. 339]; опасность исходит от «слабых и развивающихся государств, деспотичного правления, коррупции и хронического насилия, от стран, в которых подавляющее большинство населения живет в нищете, необразованно и отрезано от мировой информационной сети, из мест, где правители боятся, что глобализация ослабит их власть, подорвет традиционную культуру или вытеснит местные институты» [13, с. 340]; «от соблюдения международных "правил дорожного движения" никто не получит столько

пользы, сколько мы» («у нас есть право предпринимать односторонние военные акции для ликвидации непосредственной угрозы нашей безопасности при условии, что под не-посредственной угрозой понимается страна, группировка либо личность, которая активно готовится нанести удар по объектам США (или союзников, с которыми США имеют взаимное соглашение об обороне) и имеет или получит возможность нанести этот удар в ближайшем будущем») [13, с. 344–345]; не столько предотвращать войну, сколько содействовать делу мира [13, с. 351]. Эти пункты оформили «доктрину Обамы», в основе которой — стремление к глобальному управлению под лозунгом защиты национальных интересов и борьбы с новыми вызовами и угрозами [16, с. 106]. Концепция «оси зла» как составляющей внешнеполитической стратегии США уступила место концепции «справедливой войны» (представлена Б. Обамой в нобелевской речи 2009 г.) [16, с. 106].

Новая концепция стала активно продвигаться среди общественности с помощью публичной дипломатии — еще одной составляющей «доктрины Буша», — делая ее важной для простых граждан, поддерживая в их сознании мессианское предназначение США. Р. Каган обратил внимание, что американские СМИ «списали» со счетов заслуги Дж. Буша-мл. и выгодно противопоставляли ему Б. Обаму. Так, *The Washington Post* отмечала замену жесткой политики борьбы с терроризмом Дж. Буша-мл. «мягкой силой» Б. Обамы, игнорируя то, что «администрация Обамы отправляет 17 000 военнослужащих в Афганистан, значительно расширяет атаки беспилотников *Predator* в Пакистане и соглашается на график вывода войск в Ираке, едва ли отличающийся от того, что могла бы иметь третья администрация Дж. Буша-мл. (с тем же министром обороны)» [29]. Р. Каган назвал такие действия администрации, т. е. искажение фактов в СМИ, притворством (будто новая администрация действительно радикально пересмотрела прежний подход) («*selling the pretense of radical change*»). Причиной же являлось стремление показать революционность своих действий [29].

По сути, новая доктрина не была столь революционной. Ее основания и цели были заложены в «доктрине Буша» и продолжали политику У. Клинтона. В 1999 г. У. Клинтон осуществил ряд мероприятий по продвижению публичной дипломатии, к которой стали апеллировать последующие президенты, в частности реорганизовал Госдепартамент, создав в его структуре отдел публичной дипломатии и публичной политики [20, с. 250]. Во второй президентский срок Дж. Буша-мл. строгая и агрессивная «доктрина Буша» постепенно стала уступать место «трансформационной дипломатии» («*Transformational Diplomacy*»)

К. Райс, теоретически представленной в Стратегическом плане на 2007–2012 гг., согласно которому демократические режимы должны были объединить усилия по мировой демократизации и либерализации [36, р. 48]. Тем самым был заложен переход к «мягкой силе», продвигаемой Б. Обамой.

«Революционная» «доктрина Обамы» не изменила главную составляющую внешнеполитического поведения США — стремление к глобальному лидерству. Белый дом намеревался участвовать в делах различных регионов, чтобы распространить и закрепить там свою сферу влияния. Как отмечали американские эксперты, «с помощью публичной дипломатии и бюрократических реструктуризаций администрация Обамы меняет внешнюю политику США. Новый акцент на сотрудничество с развивающимися державами и негосударственными субъектами занимает центральное место в этих усилиях» [32]. В рамках этого подхода было продолжено финансирование неправительственных организаций (курс, намеченный по итогам «цветных революций»), звучали активные призывы ускорять и углублять демократические реформы к Украине и центральноазиатским странам, в которых установились прозападные режимы, был дан импульс проамериканским интеграционным проектам. В 2015 г. с участием Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и США была организована площадка «С5+1» [38], представляющая собой альтернативу экономической интеграции под эгидой России [9, с. 158].

Российско-украинский конфликт 2014 г. был использован для подрыва российско-белорусской интеграции. Белорусский нейтралитет, осуждение большей частью делегатов страны на Парламентской ассамблее Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «агрессии России против Украины» в 2017 г. [17], а также события 2015 г., подаваемые прессой как конфликт Минска и Москвы на фоне отказа разместить на территории республики российские военные базы, были расценены Вашингтоном как готовность Беларусь отойти от сотрудничества с Россией. Минск стал восприниматься Вашингтоном как возможный партнер по антироссийской позиции, о чем свидетельствует анализ американскими экспертами ряда кризисов в российско-белорусских отношениях и, в частности, введение в 2016 г. в Беларусь новой военной доктрины, которая, по мнению аналитиков США, подразумевает, хотя и неоткрыто, что не только НАТО, но и Россия представляют собой серьезную угрозу белорусской безопасности. Американцами декларировалось, что нестабильность в отношениях Беларусь и Россия может служить интересам США [33]. На фоне этого снизилась критика «недостаточной демократичности» политической обстановки в Беларусь: если американское руководство на-

меревалось наладить белорусско-американское сотрудничество, то в общественном сознании США это должны были быть отношения между двумя демократиями, принцип чего составлял базу американской внешнеполитической доктрины.

В деятельности последующих президентов, Д. Трампа и Дж. Байдена, в меньшей степени просматривается следование какой-либо четко обозначенной доктрине. Их внешней политике приписывают черты непоследовательности и импульсивности, а также изоляционизма, что спорно. Лозунг Д. Трампа «Америка прежде всего» явился выражением традиционного для США стремления к глобальному лидерству, ведущего к «торговым войнам с Китаем» и противостоянию с Россией. Был продолжен курс на подрыв российско-белорусской интеграции и деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Об этом свидетельствуют такие действия Вашингтона, как стремление наладить диалог с Минском и развитие площадки «С5+1». Визиты советника по национальной безопасности в 2018–2019 гг. Дж. Болтона, заместителя государственного секретаря по политическим вопросам в 2018–2021 гг. Д. Хейла и государственного секретаря в 2018–2021 гг. М. Помпео в Беларусь составили пик «оттепели» белорусско-американских отношений, который пришелся на 2019 — начало 2020 г. [14; 15]. Визит М. Помпео планировался и осуществлялся параллельно с развитием договоренностей А. Г. Лукашенко и В. В. Путина об углублении интеграции в начале 2020 г. [14; 15]. Продолжение такого курса американской политики стало невозможным в 2021 г. на фоне ряда новых договоренностей по углублению российско-белорусского сотрудничества. Более успешным оказался курс по составлению конкуренции ЕАЭС с помощью платформы «С5+1», которая с 2016 г. демонстрировала тенденцию разработки совместных экономических проектов, замены российского и китайского влияния американским и принятия формы, экономически близкой платформе ЕАЭС [9, с. 158].

После избрания Дж. Байдена политика США на постсоветском пространстве потеряла свою активность, ограничившись российско-американским противостоянием и поддержкой прозападных настроений в ряде новых независимых государств. Американские исследователи сошлись во мнении, что Стратегия национальной безопасности 2022 г. демонстрирует намерение Белого дома сконцентрироваться на внутренних проблемах в стране, противостоянии Китаю, отстаивании своих интересов на Ближнем Востоке, политике альянсов [26]. Особое значение при этом отводится американской политике интегрированного, или комплексного, сдерживания (*Integrated Deterrence*), предусматривающего решительное противодействие международ-

ным конфликтам, угрожающим интересам США, единый курс действий американских политических структур, а также тесное сотрудничество с союзниками, странами и регионами во всех сферах против общих противников и конкурентов [30, р. 22]. Такая политика в перспективе может перерости в американские интеграционные объединения, направленные на конкуренцию с международными проектами и союзами геополитических конкурентов США, несмотря на то, что в настоящее время активных шагов в этом направлении не предпринимается.

Таким образом, после окончания «холодной войны» каждая новая администрация вырабатывала свою внешнеполитическую доктрину, которая преследовала традиционную цель США — глобальное лидерство. Начиная со Стратегии национальной безопасности 1993 г. Дж. Буша-ст., в последующих доктринах «Лейка», «Клинтона», «Буша», «Обамы», внешней политике Д. Трампа и Дж. Байдена Белый дом брал на себя миссию по демократизации постсоветского пространства, что влияло на политику США в отношении постсоветской интеграции.

Отсутствие новой внешнеполитической доктрины при Дж. Буше-ст. обусловило ней-

тральную позицию Вашингтона в отношении постсоветской интеграции, принятие СНГ, которое отвечало американским интересам в регионе. Необходимость стабилизировать социально-экономическую обстановку в США, а также замедление темпов демократизации постсоветского пространства, отсутствие такого ожидаемого результата, достичь который планировалось через первостепенное реформирование России, сказалось на характере «доктрины Лейка», в рамках которой предлагалось обратить внимание на выгоду постсоветской интеграции для новых независимых государств и США. «Доктрина Клинтона», отличающаяся большей внешнеполитической активностью, заложила основу пересмотра евроатлантической и российской сфер влияния, что вело к критике российских интеграционных проектов. Радикальная «доктрина Буша» обосновывала американское вмешательство в дела бывших республик СССР, что прямо или косвенно было направлено на подрыв действующих интеграционных проектов на постсоветском пространстве, инициируемых не Соединенными Штатами. Официально отрицая подобный радикализм, последующие доктрины имели аналогичный характер воздействия под лозунгами «мягкой силы».

Список использованных источников

1. Белевцева, С. Н. Стратегия «распространения демократии» как механизм достижения американских внешнеполитических целей (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) / С. Н. Белевцева // Самар. науч. вестн. – 2019. – Т. 8, № 1 (26). – С. 208–213. (<https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-11215>)
2. Богатуров, А. Д. История международных отношений. 1945–2017: учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 560 с.
3. Братерский, М. В. Политика США в отношении постсоветской интеграции / М. В. Братерский // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – № 6 (522). – С. 3–16.
4. Вивьер, В. Н. Освещение евразийской интеграции в научно-академическом дискурсе США / В. Н. Вивьер // Коммуникация. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 33–42.
5. Гвоздков, С. Ю. Еволюція позиції США щодо інтеграційних проектів Росії на пострадянському просторі (1991–2014 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / С. Ю. Гвоздков. – Київ, 2016. – 195 л.
6. Гвоздков, С. Ю. Формування концептуальних засад політики адміністрації Дж. У. Буша щодо держав пострадянського простору / С. Ю. Гвоздков // Глія. – 2015. – Вип. 99. – С. 88–92.
7. Журбей, Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. / Е. В. Журбей // Ойкумена. Регионовед. исследования. – 2015. – № 2 (33). – С. 75–108.
8. Колобов, О. А. Доктринальные основы внешней политики США при администрациях Дж. Буша-мл. и Б. Обамы / О. А. Колобов, Ю. В. Тумина // Вестн. ННГУ. – 2012. – № 1 (1). – С. 277–284.
9. Косов, А. П. Подходы США к Беларуси, Казахстану и Центральной Азии как отражение политики Вашингтона в отношении ЕАЭС / А. П. Косов, Е. В. Мацулович // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 21–22 мая 2020 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 157–159.
10. Косов, А. П. Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада: монография / А. П. Косов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – 315 с.
11. Кузнецов, А. В. Влияние политики США на ЕАЭС / А. В. Кузнецов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3-1. – С. 192–194.
12. Михалёв, Ю. А. Значение Доктрины Монро в формировании американской стратегической культуры / Ю. А. Михалёв, Е. В. Звоцник // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. Обществ. науки. – 2018. – № 1 (794). – С. 52–59.
13. Обама, Б. Дерзость надежды: мысли о возрождении американской мечты / Б. Обама; пер. с англ. Т. Камышниковой, А. Митрофанова. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 416 с.
14. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2020 году [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <<https://mfa.gov.by/publication/reports/d6fod673cfeb1664.html>>. – Дата доступа: 11.08.2022.
15. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2019 году [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <<https://mfa.gov.by/publication/reports/d850d69242foc67a.html>>. – Дата доступа: 11.08.2022.
16. Плащинский, А. А. Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие: монография / А. А. Плащинский; под науч. ред. С. Князева. – Минск: МИТСО, 2017. – 291 с.

17. Политика Лукашенко по отдалению от России уже ни для кого не секрет [Электронный ресурс] // Eurasia Daily. — 10.07.2017. — Режим доступа: <<https://eadaily.com/ru/news/2017/07/10/politika-lukashenko-po-otdaleniyu-ot-rossii-uzhe-ni-dlya-kogo-ne-sekret>>. — Дата доступа: 08.04.2020.
18. Соловей, Ф. Д. Политика администрации Дж. Буша-мл. и первой администрации Б. Обамы в отношении Российской Федерации и стран СНГ (2001—2012 гг.): сравнительный анализ // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8, № 3. — С. 72—95. (<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-72-95>)
19. Фархутдинов, И. З. От Монро до Трампа: доктрина США о предвосхищающем военном ударе и международное право / И. З. Фархутдинов [Электронный ресурс] // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2017. — № 3. — С. 36—51. — Режим доступа: <<http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/679>>. — Дата доступа: 01.08.2022.
20. Ширяев, Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы: курс лекций / Б. А. Ширяев. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. — 442 с.
21. A Democrat Lays Out His Plan: a New Covenant for American Security [Electronic resource] // Harvard International Review. — 1992. — Vol. 14, N 4. — P. 26—28, 62—64. — Mode of access: <<https://www.jstor.org/stable/42761053>>. — Date of access: 18.12.2021.
22. American Recovery and Reinvestment Act of 2009 (February 17, 2009) [Electronic resource] // Congress.gov. — Mode of access: <<https://www.congress.gov/111/plaws/publ5/PLAW-111publ5.pdf>>. — Date of access: 11.12.2022.
23. Carothers, T. Democracy Promotion Under Obama: Finding a Way Forward / T. Carothers [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — 23.02.2009. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2009/02/23/democracy-promotion-under-obama-finding-way-forward-pub-22767z>>. — Date of access: 07.06.2022.
24. Cohen, A. Aid to Russia: Yes, But Needs Reform / A. Cohen [Electronic resource] // The Heritage Foundation. — 06.02.1995. — Mode of access: <<https://www.heritage.org/europe/report/aid-russia-yes-needs-reform>>. — Date of access: 21.11.2021.
25. Cohen, A. Russian Money Laundering: Questions Congress Should Ask / A. Cohen [Electronic resource] // The Heritage Foundation. — 22.09.1999. — Mode of access: <<https://www.heritage.org/europe/report/russian-money-laundering-questions-congress-should-ask>>. — Date of access: 30.11.2021.
26. Commentary on the 2022 National Security Strategy [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. — Mode of access: <<https://nssarchive.us/national-security-strategy-2022/>>. — Date of access: 11.12.2022.
27. Extensions of Remarks [Electronic resource] // Congress.gov. — 25.03.1993. — Mode of access: <<https://www.congress.gov/103/creeb/1993/03/25/GPO-CRECB-1993-pt5-3-3.pdf>>. — Date of access: 20.11.2021.
28. Hale, H. Russia's Fiscal Veto on CIS Integration Russia's Fiscal Veto on CIS Integration (October 1997) [Electronic resource] / H. Hale // CSIS. — Mode of access: <https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0015.pdf>. — Date of access: 02.12.2021.
29. Kagan, R. Foreign Policy Sequels / R. Kagan [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — 09.03.2009. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2009/03/09/foreign-policy-sequels-pub-22826>>. — Date of access: 07.06.2022.
30. National Security Strategy. October 2022 [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. — Mode of access: <<https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>>. — Date of access: 11.12.2022.
31. Ornstein, N. Foreign Policy and the 1992 Election / N. Ornstein // Foreign Affairs. — Vol. 71, N 3. — 1992. — P. 1—16.
32. Rothkopf, D. Q&A: Inside Hillary Clinton's Foreign Policy Revolution / D. Rothkopf [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. — 24.08.2009. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2009/08/24/q-inside-hillary-clinton-s-foreign-policy-revolution-pub-23702>>. — Date of access: 07.06.2022.
33. Rumer, E. U.S. Belarus: With Friends Like These... / E. Rumer, B. Belei [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — 31.05.2017. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2017/05/31/belarus-with-friends-like-these---pub-70135>>. — Date of access: 15.08.2022.
34. Schwarz, B. C. The Arcana of Empire And the Dilemma of American National Security / B. C. Schwarz // Salmagundi. — 1994. — N 101/102. — P. 182—211.
35. Statement by the Honorable Fred C. Ikle before the Committee on National Security' U.S. House of Representatives, July 17, 1997 [Electronic resource] // CSIS. — Mode of access: <https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/ts970719_ikle.pdf>. — Date of access: 26.12.2021.
36. Strategic Plan. Fiscal Years 2007—2012 / U.S. Department of State; U.S. Agency for International Development [Electronic resource] // U.S. Department of State. — Mode of access: <<https://2009-2017.state.gov/documents/organization/86291.pdf>>. — Date of access: 04.05.2022.
37. The Bush Doctrine [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2002/10/07/bush-doctrine-pub-1088>>. — Date of access: 21.02.2022.
38. U.S.—Central Asia (C5+1) Joint Projects [Electronic resource] // 2009—2017 Archive for the U.S. Department of State. — 03.08.2016. — Mode of access: <<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/08/260805.htm>>. — Date of access: 11.12.2022.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2022 г., доработана в декабре 2022 г.

Статья подготовлена в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. — канд. ист. наук, доц. А. П. Косов).